

WARHAMMER
40,000

Wulfen

Chris Wraight

A SPACE WOLVES SHORT STORY

Вүльфен

Крис Райт

...

Мои ноздри скривились от вони -- вони, заметной даже в этом пристанище отчаяния и горя,

похожей на прилипший сгусток кровавого пота, который никак не соскоблить.

- Уля, - вновь спросила я, гадая, сможет ли он ответить.

Прислонившись к стене камеры 7897 и распластав руки ладонями вверх, он смотрел куда-то мимо

меня.

Я смотрела на него, заставляя себя следовать протоколу. Котеас захотел бы узнать все детали, а

я, как и любая вменяемая женщина, не хотела его разочаровывать.

Заключённый был ужасно истощён. Его щёки западали как у трупа, униформа обвисла. Я видела, как

из-под рваного бронежилета выпирают рёбра. На груди висела наспех пришитая

эмблема полка --

«Клинка Круга».

Такая же эмблема была на униформе каждого из заключённых. Нелепое название, впрочем, всё в

этих людях было нелепым. Храбрые, но глупые...

А есть ли разница?

- Назови мне своё имя.

Камера была такой же, как и остальные: ржавые металлические стены, освещённые грязным

светильником-люменом. Жаркая, душная камера пропиталась человеческим отчаяньем.

Сколько же веков её использовали? Сколько мужчин и женщин оказались в заточении в лунной

крепости Котеаса без надежды на спасение и избавление? Я заметила, что никто не пытался

выцарапать на стене имена или хоть как-то показать, что они там были. Возможно, так бы

поступили заключённые в другом месте, где у них бы осталась какая-то надежда вновь увидеть

солнечный свет. Но это были владения Котеаса, и узникам даже не нужно было говорить, что их

дни сочтены. В мрачные залы лорда-инквизитора приводили немногих: тех, кто был проклят или

узрел проклятие, тех, знал слишком много или знал слишком мало.

- Ты ещё можешь служить. Даже теперь. Назови мне своё имя. Это послужит началом.

Я знала имя заключённого. Его звали Маттиас Морбах. Также я знала, что он был сержантом 345-

го Кадийского Бронетанкового, и что его жена и семья находились на Ульторе перед его

уничтожением. Как знала и то, что вскоре после этого он вступил в Клинок Крига. Вероятно, туда

его привело горе, ведь в Морбахе, в

отличие от многих, не было видно
наивного идеализма.

Я знала всё, о чём спрашивала, но пока
информация была и не важна. Я хотела,
чтобы он начал с

простых ответов, а уже потом можно
было перейти к более сложным вопросам.

Столь многие из

приведённых сюда несчастных вообще не
могли говорить. Мож ли Морбах?

Я присела перед ним. Но тяжким кожаным
сапогам пошли складки, отороченная
техом накидка

осела на плечи, а в бронированный бок
упёрлась рукоять болт-пистолета. Было
жарко, и я начала

потеть. Я задумалась, а не снять ли
накидку, но без неё я бы выглядела не так
внушительно, а

отказываться от знаков положения не
хотелось.

Я -- Алисия Датветта, инквизитор
святого Ордо Маллеус, и должна держать
планку.

- Я знаю, что ты страдал. Скажи мне своё имя. Ты ещё можешь служить. Мы не волки, мы хотим помочь.

И тогда он посмотрел на меня. Что же из сказанного привлекло его внимание? Глаза сфокусировались с явным трудом, и, похоже, Маттиас впервые заметил, где он.

- Морбах, - прошептал кагидец. -- Сержант.
- Хорошо. Это хорошее начало. Продолжай.

И он заговорил, что приятно меня удивило, ведь все остальные только называли имена. Я

слушала. Он рассказал мне, как вступил в Клинок Круга, на что они надеялись, как они

планировали атаку. Я была в терю заинтересована и позаботилась, чтобы его слова были

зафиксированы для дальнейшего анализа. Возможно, так мне удалось бы узнать, кто в штабе

разрушенной Кагии ответственен за это

фiasco. Любят всегда проще, когда и
есть кого винить.

- Хорошо, - кивнула я. У меня грубоватый
голос, но я старалась говорить ободряюще.
- А теперь

скажи мне, что произошло, когда вы
прибыли.

Сначала он не ответил. Вновь запахло
страхом. Звериная, инстинктивная
реакция.

- Там...?

- Да, - спокойно сказала я. - Скажи мне,
что произошло в Душе Пустоты.

От названия мира он вздрогнул. Морбах не
мог согреться даже в удрушливой жаре.

Но он начал говорить и продолжал.
Возможно, ему было нужно выговориться.
Я фиксировала и

внимательно слухала каждое слово.

- Мы видели это её ещё из костюса.
Красный мир, похожий на язву в пустоте.
Видели, как

двигается нечто. Думали, это просто
облака. Штормовые облака. Полню, думал,

что спуск будет

трудным. Единственная мысль, что не
высадится и пропустит драку.

На лице Морбаха появилась странная
кривая ухмылка. Я заметила, что он стал
тяжелее дышать.

Зрачки начали расширяться, на лбу
проступили капельки пота.

- Но мы высадились. Не знаю как, но
высадились. Сначала мы вылетели из
транспортов. А затем

шаттлы начали сбивать -- быстро,
слишком быстро. Все были на грани. Все
знали, что что-то не

так -- воздух в пассажирском отсеке стал
удушливым. Всё тряслось, разваливалось
на части. Я

услышал крики. Снаружи. Оружие
проверяю, а руки дрожат. Двадцать лет
служу. Столько повидал, никогда руки не
дрожали.

Я внимательно за ним наблюдала и
видела, как вокруг глаз появились красные
красные круги, как

загёрзались сүхие пальцы. Как в үголках рта собралась слюна. Как затетался взгляд.

Морбах был там. Он вновь был в Душе Пустоты со своими глупыми братьями.

- Высадились. Люки открылись. Святой Трон, я не... у меня нет слов.

Он дүмал, вспоминал. Хмүрился.

- Небо. Похожее на... кипящую кровь. Всюду вонь. Сера и раскалённый металл. Я не слышал ни

криков, ни котанг по каналу связи. От воплей хотелось просто зажать уши и съёжиться. Вопил

воздүх. Понимаешь? Вопил сам воздүх.

Я начала готовиться, поскольку үже видела, как люди теряются на таких вопросах. Мне не

хотелось убивать его без лишней нүжды, поэтому я должна была быть осторожной. В конце

концов, мне было даже жаль Морбаха. Ни один человек не должен видеть такое.

- Некоторые остались сидеть -- они просто

рыдали в страховочный креслах и
тряслись как дети. Но

я встал. Начал отстёгиваться. Мы
бежали по ратнам, пытались кричать
боевые кличи, пытались

увидеть, где подняты знамёна. Вигели,
как взрывались сажающиеся шаттлы, как
они горели

сотнями. Вигели, как небо набұхает, как...
как нарыв. Как набұхает нарыв.

Он грожал. Помел.

- Затем они пришли, - сказал Морбах с
диким ужасом на лице. - Орды. Тысячи
мчались по красной

земле и выли. Я видел, как они разрывали
целые батальоны. Рвали их на части
словно куски мяса, упивались кровью, с
жадностью глотали и давились. Шли,
оставляя следы из дыма и крови,
ухмылялись и терзали. Красные рога, зұбы
как чёрные иглы, и глаза... глаза...

Я чувствовала, что время уходит: он
впадал в стұпор. Я должна была
остановиться, но хотела

знать больше.

Буду честной: я хотела хоть на мгновение увидеть то, что видел он. Я всю жизнь изучала

нерождённых, но никогда не была в их мире. Да и как? Они бы пожрали меня за один удар сердца.

Но та запретная часть, что обрекает нас на проклятье, хотела увидеть, в каких ужасных владениях

рождаются твари из наших кошмаров. Однажды за это желание меня накажут, но оно есть.

И потому я позволила ему говорить.

- Мы пытались забраться на хребет, рядом с которым сел наш шаттл. Командное отделение уже

было на вершине. Они подняли знамя. Полню, как ты бежим, спотыкаясь об острые как кинжалы

камни, как сзади рубят твоих товарищей. Секунды, прошли считанные секунды, но столь многие

уже погибли. Я знал, что я следующий, и,

прокляни меня Император, хотел
утереть! Я грозил так, что не мог
удержать оружие. Хотел блевать, но не
мог. Они гнались за нами. Так быстро!

Он грозил всё сильнее. Я отстранилась,
готовясь вколоть успокоительное. Вопрос
оказался

интересным, и я намеревалась попросить
Комеаса дать мне больше времени.

Не знаю, как я этого не заметила.
Казалось, он был так близок к смерти --
единственной его

эмоцией стал обессиленный ступор -- но
внезапно он вскочил. Расширенные от
ужаса и отчаяния

глаза метались. Морбах видел не меня, а
тварей Души Пустоты. На миг он застал
меня врасплох.

Его скрюченные пальцы метнулись к лицу.
Я отшатнулась, чувствуя, как его
костлявое тело

ударилось в позолоченный нагрудник.
Морбах кричал, а его вязкая слюна
брызгала мне на щеки.

Я крутанулась и, сжав кулак, ударила Маттиаса кулаком в плечо. Он мгновенно сложился пополам, и внутри него что-то треснуло. Одним плавным движением я выхватила пистолет и ударила его рукоятью по виску.

Он рухнул без чувств, раскорячив костлявые руки по металлу. Кровь забрызгала его потную

униформу и капала на решётчатый пол. Мне хотелось ударить его вновь, чтобы избавиться от

стыда, но я сдержалась.

И тогда я что-то увидела на его шее. Что-то, чего не видела раньше.

Я снова склонилась над ним, отметив неровное дыхание и угрожающие пальцы. Что-то застряло в

его теле прямо под лопаткой. Рваная ткань мундира стялась, открыв серую, натянувшуюся на

кости кожу. Её рассекал красный рубец, тугой и воспалённый.

Я осторожно сжала скрытые перчаткой

пальцы по бокам ранки. Кожа лопнула,
запахло мерзким

гноем. Показался тонкий предмет —
гладкий, как иголка, треугольный, немного
изогнутый и

суженный у конца. Размером примерно с
той палец от кончика до костяшки.

Я осторожно его достала. Коготь. Я
знала, откуда он взялся, и сперва хотела
уничтожить, но что-то

меня сдержало. Обычно у меня хороший
нюх на порчу, но тогда я её не ощутила.

Поэтому я взяла коготь, положила в
капсулу и отстранилась от скорченного
тела Маттиаса

Морбаха. Жаль, что вопрос вышел из-под
контроля. Морбах приговорён к смерти, а
я могла бы

узнать больше, будь у меня время.

Я выпрямилась и отряхнулась. На одежде
осталась грязь, но при таком деле этого и
следовала

ожидать. Я отвернулась, нажимая на
подкладке перчатки руну, которая

открывает двери и позволяет

мне выйти из камеры.

Я была спокойна. Эта короткая схватка
меня не заботила -- при одиночных
допросах были и более
запоминающиеся эпизоды.

Но когда я вышла из коридора, мой пояс
словно стал тяжелее. И это меня
тревожило. Но почему?

...

Я быстро шла от камер к лаборатории
много десятков закрытых дверей, каждая
из которых была

сделана из неполированного металла и
отмечена номером. Номера шли не по
порядку: я прошла

много 568-ой камеры, затем 3458, затем
998. Некоторых номеров просто не было. У
Котеаса были

свои причины для такой схемы. Я их не
знала, но ведь из нас двоих именно он
разбирался в

эзотерическом знании.

Сырость осталась. Я слышала стоны

заключённых, а откуда-то снизу доносилось
эхо воплей.

Возможно, пленников терзали кошмары, а
возможно кто-то работал в пыточных.
Некоторые звуки

были частью моей жизни с тех пор, как я
прибыла сюда пять лет назад, и теперь я
их едва

замечала.

Я поднималась по каменным лестницам, а
вокруг со стен свисали пожелтевшие от
времени

свитки. На каждом были написаны
молитвы на Высоком Готике. Бурными
чернилами. Засохшей

кровью. Временами я задумывалась, а
нужна ли подобная театральность, но
Котеас всегда был

склонен к широким жестам.

- Я не делаю ничего не нужного, - сказал он
мне однажды, сурово глядя из-под густых
белых

бровей. -- Ничего.

Я доверяла ему, хотя и не верила до конца.

Доверяла его знаниям, его
ответственности, его
железной воле. Котеас вдохновлял меня в
той же мере, что и пугал, чего,
подозреваю, он и
добивался.

Я добралась до этажа, где работали
хирурги. Прошла через ярко освещённые
залы, в которых
стояли причудливые механизмы и белые
плиты. Я видела разложенные скальпели и
ряды

разноцветных пробирок. Видела
наполовину вскрытые труны и привязанных
живых людей, чьи
глаза раздвинулись от ужаса.

Я шла, пока не увидела старшего
хирурга Оскара Кийема. Его халат был
забрызган кровью, а

руки, с которых недавно сняли кожаные
перчатки, покраснели. Он сидел за
пюпитром и что-то

печатал на инфопланшете. Похоже, что
Оскар не был рад меня видеть.

- Дамьетта, - кивнул он.

Я достала коготь и показала Кийему. Он не поднял брови -- их не было, как и волос вообще.

- Что это?

- Это было в заключённом, - сурово сказал я. Оскар -- гордый человек, и ему нужно напоминать, кто главный. -- Почему его не обнаружили во время карантина?

Кийем остотрел коготь. Он был в замешательстве, хотя и пытался это скрыть. Морщинистая кожа на шее приобрела розоватый оттенок.

- Не знаю. Нам нужно остотреть столько тел. Возможно...

Я не позволила ему договорить.

- Халатность. Мне следует о ней доложить.

Он побагровел сильнее.

- Конечно.

- Мне нужно твоё заключение эксперта, - сказала я, предлагая ему выход. -- Есть ли порча? Стоит

ли мне об этом беспокоиться?

Он повертел коготь в лапони, а затем достал из освинцованного ящика нечто похожее на

металлическую клетку с подзорными трубами внутри. К медным ободкам линз были прибиты

эзотерические устройства, а на самих линзах я заметила выгравированные обереги от порчи.

Оскар переключил рычаги и настроил аппарат прежде, чем посмотреть через него на коготь. Но

его коже расплзлось мягкое зелёное сияние. Машина гудела. Нахлопал напашатырём.

Какое-то время Кийем осматривал коготь, а затем отключил устройство. Он протянул коготь мне.

- Я не вижу ничего пагубного.

- Значит, это было животное.

- Возможно. Если и так, то я не могу сказать, какое -- звери не моя специальность.

Я положила коготь обратно в капсулу.
Конечно, я была рада узнать, что в нём
нет порчи, но
загадка осталась.

- Я наведу справки, - сказала я,
отвернувшись.

- А ты... доложишь о моей оплошности?

Я не ответила и просто пошла туда,
откуда пришла, оставив Кийема гадать.
Не будет лишним
подержать его в напряжении.

Но на самом деле Оскар меня не особо
заботил. Гораздо важнее была моя
следующая встреча.

...

- Нет, - отрезал Котеас.

Я не остелилась спросить вновь, но на
мгновение затешилась, прежде чем
уступить. И это было
достаточным тяжёлом.

В это мимолётное мгновение я увидела
его словно впервые. Я видела шрамы на
лысой голове,

загорелую и загубелую кожу, меховую
накидку на широких плечах. Его одежды
были красными как

кровь, а отполированный позолоченный
госпех сиял. Даже без брони он был бы
огромным и

могучим, а в ней выглядел таким же
грозным, как ангел из Agentus Астармес.

Когда он посмотрел на меня, то словно
заглянул мне в душу. У меня никогда не
было проблем с

самооценкой, и запугать меня нелегко, но
тогда я не могла избавиться от чувства,
что я просто

маленькая девочка. Возможно, это была
самая опасная и коварная способность
Комеаса --

заставлять могучих чувствовать себя
детьми.

- Как пожелаете, лорд, - я склонила голову.

Лорд-инквизитор Торквеллага Комеас,
Верховный Протектор сектора Формоза и
Бич Демонов и

Нечистых, продолжал сурово на меня

смотреть.

- Ты хочешь возразить?

Нет. На самом деле мне хотелось как можно скорее убраться отсюда. Но я не хотела сдаться.

Мне говорили, что я упряма.

- Из всех только он начал говорить. Если бы у меня было время, то я могла бы узнать больше.

Видимо, Котеаса это не впечатлило. С глухим звяканьем он сжал руки в тяжёлых перчатках -- руки, которые оборвали тысячи жизней. Он двигал ими, как кузнец -- медленно, размеренно и с полным знанием, что это орудия его святого ремесла.

- Узнать что, инквизитор Датьетта? Вот что ты знаешь об этих глупцах. Они собрались в армию,

которую цветасто называли Клинком Крига. Отправились в самоубийственную операцию на

демонический мир E678, который цветасто называли Душой Пустоты. Почти

все утерли. Немногие
выжившие сошли с ума или онемели. Те-
же, кто ещё может говорить, твердят
лишь о своих
кошмарах.

Всё это время он продолжал буравить
меня злобщим взглядом. Какие же ужасы
видели эти
тёмные глаза?

- Мы все знаем, что мир демонов это мир
кошмаров. Нам не нужно вновь это
подробно выяснять.

Я сглотнула. Не было смысла скрывать
тревогу.

- Тогда какой вообще смысл в вопросах?

Выражение Котеаса не изменилось. Он не
улыбнулся, не нахмурился. Я редко видела
на его

каменном лице что-то кроме властного
презрения.

- Потому что кто-то однажды может
сказать что-то, чего мы не знаем. Но не
Морбах. Он сломлен.

Бесполезен.

Торквелага навис надолгой, сжатая своими
омытые кровью руки.

- Он будет ликвидирован, как мы и
ожидали. Теперь иди. Спи. Твоя стена
начнется на рассвете.

В этот раз я не колебалась. Он и так
позволил мне больше, чем я ожидала, и не
было смысла

испытывать удачу.

- Да, лорд, - сказала я и покорно
поклонилась.

...

Я всегда подчинялась приказам Котеаса,
но этой ночью я ослушалась его дважды.

Первым меня повело слабое тело: я не
смогла заснуть. Я ворочалась на койке,
чувствуя, как

простыни оплетают меня словно оковы.
Было слишком жарко. Влажно, душно.

Я открыла глаза и тяжело поднялась.
Моя рубашка протекла и стялась. Во
тьме кельи я видела

образы иного мира -- того, что мне описал
Морбах. Я видела горизонт из кипящей

крови и ядро

раскалённой магмы под каменными плитами цвета меди. Слышала, как кричит небо, и утирают сотни людей.

- Люмен, - сказала я, и узкая комнатка наполнилась светом.

Я встала с койки, подошла, спотыкаясь, к настенному умывальнику и ополоснула лицо. Одела

чикчиры, тугую блузку, сапоги и плащ. Взяла пистолет. Надевать доспехи не стала -- это заняло бы

целую вечность, а времени уже было мало.

Я покосилась на хроно над койкой. Через четыре часа Морбах умрёт. Глядя, как стеляют груз

груза руны, я решилась во второй раз послушаться Котеаса.

По пустым коридорам разносилось эхо. Стояла глубокая ночь, и крепость казалась городом

запечатанных гробниц. Я спешила, чувствуя себя беглым преступником.

Отчего? Я -- инквизитор, и
имею полное право идти, куда пожелаю.
Но я не могла обманывать себя и
понимала, что подчинилась капризу.
Подчинилась самому
простому и банальному из грехов
любопытству.

Я дошла до катеры 7897. Скрыченный
Морбах лежал на спине там же, где я его
оставила. Я

закрыла за собой дверь и присела, вновь
скривившись от запаха. Со временем и без
свежего

воздуха вонь стала только хуже.

Я достала из контейнера на поясе флакон
со смесью адrenalина и локyазина и
вставила в шприц.

Затем прижала иглу к сyхощавой руке
Морбаха, вонзила и стала ждaть.

Сбитый с толку и грожащий сержант
очнyлся. Я нависла над ним, желая, чтобы
он боялся меня

так же, как и своих коштаров.

- Говори дальше.

Я видела стяжение на лице Морбаха, но он не мог удержаться.

Распространяющаяся по крови химическая смесь быстро приводит в чувство, и если Маттиас говорил раньше, то заговорит вновь.

- Быстро, - сказала я, придав слову звучный оттенок угрозы. -- Говори быстро.

Он смотрел на меня. Морбах не мог понять, где он. Лишь когда он заговорил, я поняла, что он

вновь на Дуге Пустоты. А покидал ли он её?

- На гребне... - прохрипел Маттиас. -- Они пришли за нами.

- Хорошо. Продолжай.

И слова полились.

- Утирали, мы все утирали. Я стрелял из ружья, целился во что-то в море клыков и рогов. Вряд ли

попадал. Могли ли мы их убить? Не гутаю. Не видел, как они падали. Всё это было ошибкой,

гьявольской ошибкой.

Его глаза кружились, словно ища цели. Я внимательно смотрела на Морбаха. Если он вновь

нападёт, я буду готова.

- Увидел, как один бросился на меня. Он взбирался по склону, ещё сжимая в когтях тела. Увидел

меня. Бросился. Я не мог сделать ничего. Застыл. Тварь двигалась, как во сне — прыжками, мелькая, прыгая. Смерть пришла. Я был мёртв.

Я невольно улыбнулась.

- Ты не был мёртв. Что произошло?

- Не знаю.

И тогда он тоже улыбнулся. Но искренне, а не с фальшью. Улыбка преобразила его лицо. Морбах

почти мог вновь сойти за человека.

- Не знаю, кто это был. Один схватил меня за плечо. Боль была ужасной. А затем отшвырнул

словно пушинку. Я тяжело упал и почти сразу отключился. Полню, как кровь стекала по визору

шлела. Броню разорвало.

Он всё ещё улыбался.

- Он меня отбросил. Спас.

- Кто?

Морбах посмотрел на меня. Его взгляд прояснился.

- Один из зверей.

- Зверей?

- В гонимых людях. Огромные, серые, воющие. Неудержимые. Жестокие, как кишащие вокруг

твари. Они ринулись в кровь и дым так, словно родились до этого. Чудовища были в ответ, но

звери не дрогнули. Они могли причинить им боль. Они причинили им боль. Заставили скулить.

Он устехнулся, вспоминая.

- Чем они были? - нагавила я, вспоминая коготь. Вспоминая древние мифы, легенды, слухи.

Начиная задумываться.

Морбах молчал. Он затерялся в своих

воспоминаниях, редком миге героизма
среди леденящих
кровь ужасов.

- Я разглядел одного, - наконец, задумчиво
протянул Морбах. -- Того, кто меня
отбросил?

Возможно. Он стоял прямее, чем другие,
как человек, но был гораздо выше. В руке
топор,

сверкавший синим огнём. Борода, серая
как пепел, всклокоченные глинные волосы.
На мгновение

он посмотрел на меня. Я никогда не видел
таких печальных глаз и такого трачного
лица. Такого

благородного лица.

Улыбка сержанта поблекла.

- А затем он исчез, ушёл, его старый плащ
развевался по ветру... - Маттиас
посмотрел на свои

руки. Они ещё грожали. - Те, кто был ещё
жив, жалкая горстка, забрались в
уцелевшие шаттлы.

Потню, как я забрался в отсек экипажа.

Плечо болело и горело, но это было не важно. Мы выбрались. Доковыляли готой. Остальное вы знаете.

Я была поражена. Котеас ошибся. Это было нечто новое. Никто другой не мог связно рассказать о

том, что произошло в Душе Пустоты, но я видела убеждённость в глазах Маттиаса и думала, о чём ещё он мог бы поведать.

Я пыталась скрыть волнение. Мы так мало можем противопоставить демонам, и нас сильно

прижали после разорения Врат. Если есть союзники, способные убивать нерождённых на их

проклятых мирах, то мы должны узнать о них больше.

Я встала.

- Постарайся вспомнить всё. Каждую подробность: символы на их доспехах, слова. Это важно.

Твою душу ещё можно спасти. Я скоро

вернётся. Постарайся вспомнить всё, пока я
не приду.

Он посмотрел на меня со странной
уверенностью.

- Не бойся за мою душу.

Я вышла из комнаты, не забыв закрыть
дверь на замок. Снаружи всё так же было
пусто. Тени

сгустились. Я поспешила по коридору к
спиральной лестнице, и побежала,
перескакивая по две

ступени. Спустилась на один этаж, затем
другой. На ходу включила передатчик в
воротнике.

- Сообщение для лорда-инквизитора.

Ответил сервитор.

- Укажите характер сообщения.

Я выругалась. Котеас всегда занят, но
времени мало, и я знала, что его будет
трудно переубедить.

- Приоритетный вызов от инквизитора
Дамьетты. Это не...

Освещение отключилось.

Всё погрузилось во тьму. На мгновение я застыла, а затем пожалела, что не надела доспехи. У

меня не было ни инфразрения, ни брони. Я достала пистолет и пригнулась, вслушиваясь.

Я пыталась возобновить связь, но слышала только помехи. Далеко снизу доносились приглушённые хлопки, похожие на взрывы осколочных гранат.

Сердце забила чаще. Я сняла пистолет с предохранителя и начала подниматься обратно,

вслушиваясь, пытаюсь понять, что происходит. Я слышала внизу движение -- хлопали двери, что-то

грохотало, разносилось эхо тяжёлых шагов. Я пыталась угадать численность, положение.

Затем взвыли сирены. Включилось аварийное освещение, залил коридоры кровавым светом. Я

выругалась вновь -- отвлеклась -- и двинулась дальше.

Я дошла до коридора прямо над этажом, где была камера Морбаха. Этаж был освещён, но в

коридоре всё равно было темно. Вдоль стен тянулись ряды закрытых дверей. Через сто метров на

дальнем конце едва виднелся лестничный колодец – чёрный провал в тени.

Я кралась по коридору. Из камер не доносилось ни звука – заключённым едва хватало сил, чтобы

дышать, и если они и слышали что-то снизу, то просто в ужасе жались к стенам.

Снизу доносились звуки – хриплое сопение или возможно рычание, горячее и шумное. Волосы

встали дыбом. Я чужала порох. Чужала... что-то другое: кислый, звериный запах.

Я дошла до спиральной лестницы и начала спускаться, держа перед собой дымя ружьями пистолет

и стараясь не шуметь. Моё сердце колотилось.

Я добралась до круглого вестибюля у

погножия тюремного коридора менее десяти метров

шириной. Здесь было темно, почти непроницаемо темно -- что-то случилось с аварийным

освещением. Я едва могла разобрат очертания ударных дверей, через которые должна была

пройти. Они были выбиты и висели на петлях, а эти двери были очень прочными. Края были

рваными, словно их что-то грызло.

Я вздрогнула. Нервы подвели меня. К моему стыду -- ведь я на десятках тиров билась против

кошмарных тварей -- по спине прошла дрожь...

И тогда я поняла, что не одна.

Я медленно повернулась и увидела два огонька -- светлых, не мигающих. Живот скрутило от

ужаса.

Я выстрелила раз, другой. Не целясь, паникуя. Два снаряда взорвались, белые

вспышки осветили

дальнюю сторону зала. В эти два мгновения, урывками и тельком, я увидела то, что таилось во тьме.

Я увидела нечто действительно огромное. Увидела пластины брони, выгнутые и окованные

бронзой. Костатую, слюнявую пасть. Как растянүлись в оскале жёлтые зүбы, как взметнүлись

хвосты и мех. Увидела золотые глаза, окружённые чёрными кругами и заправшие на лохматой

звериной морде. Я ощутила поток воздуха, когда сүщество проскочило мимо меня, легко

үвернүвшись от снарядов и перекатившись. Затем на меня навалился мерзкий, острый запах, и

оно скрылось.

Я отшатнүлась, рүки дрожали. Зверь проломился через взрывные двери, окончательно сорвав их.

Взяв себя в руки, я пошла следом, перебралась через обломки в коридор.

Там было тихо. Остался лишь резкий, едкий запах.

Я кралась вперёд, осторожно вода стволот из стороны в сторону. В ушах стучала кровь.

Когда я дошла до камеры 7897, то уже знала, что обнаружy. Двери выбиты. Внутри ничего нет. Ни

крови, ни следов борьбы. Морбах исчез.

Я посмотрела на разбитые двери. Они были созданы, чтобы выдержатъ сильнейшие удары, но

были разорваны. Я видела на стали следы клыков, глубокие, как желобки в кладке. Я легко

провела пальцем по металлу. Четыре параллельных следа.

Я вспомнила последний странный уверенный взгляд Морбаха.

Не бойся за мою душу.

И опустила оружие.

Далеко снизу, из самого сердца подземелий

доносилось эхо, глухой рык, грохот ударов,
отдельные
выстрелы.

Я не двинулась с места. Я всё равно не
могла успеть — они забрали то, что
искали, и теперь
уходят.

...

Когда появился Котеас, я всё ещё стояла и
смотрела на пол камеры Морбаха. Он был
в полном

госпехе и грозен как никогда.
Электрический ореол грозового молота
золотым огнём освещал
прак.

Торкветтага был разъярён. Это было видно
по его лицу. Это были его владения,
окружённые

рядами гексаграмматических оберегов и
стен. Он считал их неприступными даже
сейчас, после

всего, что произошло на Кагии, и верил,
что честный камень и металл смогут
удержать коштары.

- Что ты видела? -- потребовал он ответа.

Я впервые его не боялась -- ведь после увиденного даже ярость Котеаса казалась простой

раздражительностью.

- Не знаю, - честно ответила я.

Он разочарованно сжал кулак.

- Как это могло произойти? -- зашипел лорд-инквизитор, расхаживая по комнате.

Он был зол, нетерпелив. Котеасу не с чем было сражаться. Он был опозорен, но не мог на чём-то

выместить своё раздражение.

Он вновь посмотрел на меня. С подозрением. Я спокойно посмотрела в ответ.

- Все, кто вернулся из Души Пустоты. Все. Исчезли. Их камеры опустели, не осталось ни следа. Не

ترونули никого другого. Как они это сделали? Нашу систему безопасности не взламывали.

Мне нечего было ответить. Я видела лишь звериное лицо во тьме -- нечто

человеческое, но так

изменившееся. Я вздрогнула, вспоминая.

Я думала, что ответить, когда вдали, за
крепостными стенами, раздался новый
звук, слышимый

даже сквозь гул сирен.

Я прислушалась, и моя кровь похолодела.
Застыл даже Котеас. Я видела, как он
крепче сжал

рукоять молота.

Вой. Вой на тёмной поверхности лунной
крепости, под суровым светом далёких
звёзд.

Котеас скривился от отвращения. Он бы
уничтожил этих зверей, если бы смог. Я
была уверена,

что он уже отправил по их следу
мобильные и со зубов вооружённые
запретным оружием

истребительные команды, но была уверена
и в том, что охотники найдут лишь эхо.

Я открыла капсулу на поясе, и на руку
упал коготь. Я вновь посмотрела на него в
тусклом свете

металлического нилба Котеаса.

Длинный, крепкий, старый. Возможно
коготь животного. Или же человека, чьё
тело изменили

древним искусством геноколдовства, а
затем закалили в пламени демонических
тиров. Это тоже

возможно.

Я помнила, что сказал Морбах.

Он стоял прямее, чем другие, как человек,
но был гораздо выше. В руке топор,
сверкавший

синим огнём. Борода, серая как пепел,
всклокоченные глинные волосы. На
мгновение он

посмотрел на меня. Я никогда не видела
таких печальных глаз и такого трачного
лица. Такого

благородного лица.

- Так кто это был? -- потребовал ответа
Котеас.

Я покачала головой.

- Не думаю, что мы когда-нибудь узнаем.

А это вряд ли. Будут обысканы архивы, люди пойдут по следу. Котеас готов. Со временем он

сможет хотя бы дать имя зверям, которые ворвались в его пыточные залы и забрали заключённых.

Но когда я слышала, как вдали затихает вой, меня беспокоило не это.

Они пришли за теми, кто их выгнал. Теми, кто знал об их существовании и мог рассказать, что такие

полужвери ходят среди людей.

И ни одной цитадели Инквизиции их не сдержат.

Я сжала коготь и ощутила, как он впивается в кожу.

Я узнала слишком много. Я знала слишком много. Отзвуки воя всё ещё разносились странным

эфемерным эхом.

Не бойся за мою душу.

Я подчинилась любопытству и пошла по следам, по которым не должна была идти.

Я думала, что

была охотником. Возможно зря.

Неудержимые...

Они пришли за ним. Они пришли за ними
всеми.

И потому в окружении следов когтей и
пустоты я вспоминала неожиданную
уверенность Морбаха и
задала, когда они придут за мной.

...